

УДК 811.133.1'255.2

КОРРЕЛЯЦИЯ РЕАЛИЙ И ЛАКУН ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.А.БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»
И ЕГО ПЕРЕВОДАХ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК)

© 2014 г. *Н.Н. Морнова*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

mnn.92@mail.ru

Рассматривается корреляция реалий и лакун на материале переводов произведения М.А. Булгакова на французский язык. Обосновывается необходимость рассмотрения реалий и лакун как комплементарных понятий. Выделяются типы лакун, порождаемых наличием лингвокультурных реалий в тексте оригинала, а также анализируются способы их элиминации в тексте перевода.

Ключевые слова: реалии, лакуны, лакунарность, художественный перевод, способы элиминации лакун.

Изучение корреляций реалий и лакун имеет важное значение для теории и практики перевода художественного текста. Оно позволяет выявить способы ретрансляции национально окрашенных фрагментов чужой культуры при переводе, проанализировать «потери» в процессе такой ретрансляции, а также возможности избежать подобных потерь.

Основная цель нашей работы – анализ способов элиминации лакун, вызванных наличием в тексте оригинала лингвокультурных реалий.

Существуют различные точки зрения на определение лакуны. Изначально многие лингвисты трактовали лакуну достаточно просто: как отсутствие в одном из сопоставляемых языков устойчивого наименования для понятия, имеющего лексическое обозначение в другом языке [1].

Однако сегодня налицо тенденция к значительно более широкой трактовке лакун. Под ними могут подразумеваться любые «несоответствия, возникающие при сопоставлении понятийных, языковых и эмотивных категорий двух локальных культур» [2].

Мы основываемся на концепции, предложенной А.А. Кретовым и Н.А. Фененко, и

рассматриваем реалии и лакуны как комплементарные понятия.

Там, где в тексте-оригинале имеется лингвокультурная реалия, в сознании носителя языка перевода, в первую очередь, переводчика, возникает лакуна, «белое пятно» на «семантической карте» текста. Иначе говоря, термин «реалия» ориентирован на исходный текст, а лакуна – на перевод.

Также, различаем R-, C- и L-реалии, где R-реалия - обозначает реалии как предметы объективной действительности;

C-реалия – идеальный эквивалент среды обитания социума (концепт);

L-реалия – средство номинации культурного концепта (слово) [3].

Соответственно выделяем:

R-лакуны при отсутствии соответствующего предмета в культуре ПТ;

C-лакуна – при отсутствии концепта;

L-лакуна – при отсутствии в ПТ номинативной единицы [4].

В процессе анализа французских переводов романа М.А. Булгакова нами были выделены следующие типы лакун, обусловленные функционированием в тексте-перевода того или иного вида реалий:

этнографические,

ассоциативные,
социокультурные,
стилистические [3; 5]

Далее мы рассмотрим несколько примеров к каждому виду лакун.

1. Под этнографическими мы понимаем такие лакуны, которые указывают на своеобразие бытового уклада в культуре исходного текста, то есть лакуны, связанные с отсутствием соответствующих культурных предметов или с «использованием разных “предметов” в аналогичных ситуациях».

Этнографические лакуны обусловлены наличием в тексте-оригинале упоминаний или описаний русских R-реалий и порождают в сознании носителя языка перевода L-, R-, C-лакуны в связи с отсутствием во французской лингвокультуре самого предмета, представления о нем и средств его номинации.

Например:

ИТ: В Пушкино открылась чебуречная «Ялта»!

ПТ (К. Линь): A Pouchkino, on vient d'ouvrir une tchebouretchnaia qui s'appelle « Yalta » !

ПТ (Ф. Фламан): П у а une tchebouretchnai* a vient d'ouvrir a Pouchkino qui s'appelle Le Yalta !

* Une tchebouretchnaia est une creperie ou l'on sert des tcheboureki, beignets farcis d'origine caucasienne.

В данном примере переводчики используют L-реалию, то есть лексическую единицу, переданную путём транслитерации.

В отличие от К. Линь, Ф. Фламан использует метатекст, как средство заполнения возникшей этнографической лакуны. C-реалия в его составе эксплицирует релевантные характеристики L-реалии в тексте-переводе. Из этого следует, что ее перевод более адекватен и предоставляет читателю необходимую информацию о том, что чебуречная – закусочная, где подают чебуреки, а также разъясняет, что собой представляют чебуреки и блюдом какой кухни они являются.

2. Под ассоциативными лакунами мы понимаем особый тип лакун, связанных с наличием в тексте-оригинале русских C-реалий, которые представляют собой интертекстуальные включения в виде аллюзий, маркированных и немаркированных цитат, а также аллюзивных антропонимов – имен литературных персонажей.

В результате нашего исследования мы

выяснили, что, в большинстве случаев, данный тип лакун элиминируется в тексте-переводе посредством «своей» C-реалии, представленной в виде развернутого пояснительного метатекста или же используя прием перекодирования, т.е. дословный перевод.

Глубина заполнения лакуны зависит от типа C-реалии и контекста.

Например, пословицы и фразеологические обороты зачастую понятны и без комментария, поскольку имеют функциональные эквиваленты в чужой культуре.

Так при переводе фразеологизма валять дурака..

ИТ: – Не валяйте дурака, Иван Савельевич, а слушайте.

ПТ (К. Линь): – Ne faites pas la bete, Ivan Savelievitch, et écoutez moi.

ПТ (Ф. Фламан): –Inutile de faire l'imbecile, Ivan Savelievitch, et écoutez-moi.

...Ф. Фламан использует французский эквивалент идиоматического русского выражения, в то время как К. Линь обращается к дословному переводу.

Однако оба переводчика не используют свою C-реалию (метатекст), поскольку такой необходимости не возникает, и французскому читателю будет понятен смысл данного выражения.

Что касается перевода аллюзивных антропонимов, и К. Линь и Ф. Фламан используют свои L-реалии.

ИТ: - Пропустите, Софья Павловна.

ПТ (К. Линь): – Laissez-les entrer, Sophia Pavlovna.

ПТ (Ф. Фламан): – Laissez-les entrer, Sophia Pavlovna*.

*Prenom de la volage heroine de la piece de Griboiedov, Le Malheur d'avoir de l'esprit.

Но элиминация ассоциативных лакун у Ф. Фламан осуществляется наиболее успешно за счет использования «своих» C-реалий, представляющих собой пояснительные переводческие метатексты, которые позволяют достаточно полно восстановить имплицитную информацию.

В данном примере она предоставляет необходимые сведения для читателя текста-перевода, а именно то, что Софья Павловна – легкомысленная героиня пьесы Грибоедова «Горе от ума».

2. Социокультурные лакуны возникают в результате использования писателем

C-реалий, называющих культурно-специфические действия, исторические факты,

имена реально-существующих общественно-политических и культурных деятелей и т.д. Часто социокультурные лакуны создаются индивидуально-авторскими реалиями-неологизмами. Элиминирование социокультурных лакунов осуществляется с помощью дополняющего метатекста.

Например, Лжедмитрий - имя реально существующего исторического персонажа

ИТ: Лжедмитрий, – сказал Варенуха

ПТ (К. Линьи): – Le faux Dimitri ! dit Varienoukha.

ПТ (Ф. Фламан): – Un faux Dimitri* ! dit Varienoukha.

*Plusieurs usurpateurs pretendument heritiers du trone se manifesterent en Russie sous le nom de Dmitri. Le plus celebre, un moine defroque, Grichka Otrepiev (1580-1606) detrona en 1605 Boris Godounov: cet episode est le sujet du drame de Pouchkine et de l'opera de Moussorgski Boris Godounov.

В данном примере Ф. Фламан, используя свою С-реалию(метатекст), достаточно полно раскрывает информацию о том, что многие захватчики выдавали себя под именем якобы умершего наследника Дмитрия. Таким образом, читатель текста-перевода сможет понять, что в тексте-оригинале говорится о человеке, который выдает себя за кого-то другого.

К. Линьи использует лишь L-реалию, переданную путём транслитерации, вследствие чего происходит утрата важной имплицитной информации, т.к. французскому читателю становится не понятно кто такой Le faux Dimitri.

4. Возникновение стилистических лакунов связано с передачей особенностей идиостиля М. А. Булгакова на французский язык. Характерно, что стилистические лакуны могут вызываться целым рядом типов реалий, в частности, говорящими фамилиями, которые создают широкий пласт стилистических лакунов. Например:

ИТ: Павианов, Богохульский, Сладкий, Шпичкин и Адельфина Буздяк

ПТ (К. Линьи): Pavianov, Bogokhoulski, Sladki, Chpitchkine et Adelphina Bouzruak

ПТ (Ф. Фламан): Pavianov, Bogokhoulski, Sladki, Chpitchkine et Adelphine Bouzdiak.*

*Tous ces noms sont parlants: Pavianov, le baboin; Bogokhoulski, le denigreur de Dieu; Sladki, le suave; Chpitchkine, l'espion; Bouzdiak, la rouspeteuse).

В данном примере К. Линьи использует

лишь «чужие» L-реалии, в то время как

Ф. Фламан передает реалии посредством французских С-реалий, эксплицирующих значения русских. Читателю текста-оригинала становится понятно значение говорящих фамилий.

Проанализировав случаи элиминации лакунов, порождаемых реалиями романа «Мастер и Маргарита» при переводе на французский язык, мы можем сделать вывод, что использование для заполнения лакунов русских L- и С- реалий представляется недостаточным для достижения эквивалентности ИТ и ПТ в связи со слабой степенью знакомства французского читателя с русской лингвокультурой.

Мы установили, что перевод Ф. Фламан является наиболее адекватным, т.к. она стремится максимально сохранить национальный и местный колорит, используя объемные и информативные дополняющие комментарии.

Следовательно, наиболее эффективными являются комплексные способы элиминации лакунов:

«чужая» L-реалия + «своя» С-реалия (переводческий метатекст) (заполнение); «чужая» L-реалия (заполнение) + «своя» R-реалия (компенсация). Данные способы позволяют в достаточной степени эксплицировать культурно специфичную информацию, сохраняя при этом культурную специфику текста.

Лакуны и реалии необходимо рассматривать системно, как комплементарные понятия, что соответствует их лингвистической природе. Такой подход позволяет выявить корреляции типов реалий, лакунов и способов их элиминации. Кроме того, он позволяет внести определенный вклад в лакунологию, в частности в типологию лакунов и способов их элиминации, вопросы, которые на сегодняшний день остаются недостаточно разработанными в лингвистике.

Список литературы

1. Муравьев В.Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир. 1975. 96 с.
2. Жельвис В.И. К вопросу о характере русских и английских лакунов. Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. 198 с.
3. Фененко Н. А. Французские реалии в контексте теории языка . Автореф. дис. ... д-ра филол. Наук. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2006. 36 с.
4. Кретов А. А. К типологии реалий и лакунов // Социокультурные проблемы перево-

да: Сб. науч. тр. / Воронеж, 2012. Вып. 10. С. 154.

5. Муравьев В.Л. Проблемы возникновения этнографических лагун: пособие по курсу типологии русского и французского языков. Владимир: ВГПИ, 1980. 106 с.

6. Булгаков М. Мастер и Маргарита. М.: Приор, 2001.

7. Le Maitre et Marguerite, traduit du russe par Claude Ligny [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ebooksgratuits.com/html/boulgakov_maitre_et_marguerite.html (дата обращения 10.03.2014).

8. Françoise Flamant, in Boulgakov. Le Maitre et Marguerite » et autres romans. Euvres, II, ed. Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade. 2004

УДК 811

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА ЖАНРА КОММЕНТАРИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

© 2014 г. М.Е. Смирнова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
smirnova.maria.nn@gmail.com

Анализируются особенности темпоральной организации текстов публицистического жанра комментария в немецкой прессе. В них выявляются наиболее характерные для данного жанра языковые средства со значением темпоральности.

Ключевые слова: немецкая пресса, комментарий, темпоральность, структура, частотность, языковые средства.

В настоящее время в материалах, представляемых СМИ, для читателя по-прежнему остаются важными актуальность, своевременность и достоверность получаемой информации. Жанр комментария, являющийся достаточно распространенным в современной прессе, объединяет в себе все эти свойства, и в то же время содержит в себе компонент анализа. В таких текстах автор выражает своё отношение к актуальным событиям, формулирует связанные с ними задачи и проблемы в форме сжатого анализа недостатков или достижений, а также выражает их оценку, прогноз развития или последствий [1]. Комментарии наряду с информативной функцией массовой коммуникации реализуют и функцию интерпретационную, демонстрируют какую-либо ситуацию с нескольких точек зрения. Именно в них, по мнению Т. Добросклонской, «находят своё выражение различия в восприятии реалий общественно-политической жизни, обусловленные тем или иным культурно-идеологическим контекстом» [2].

На основе анализа текстов, отобранных из интернет-версии немецкого еженедельного журнала «Der Spiegel» [3], мы выявили особенности темпоральной организации комментариев, функционирующих в немецкой прессе и определили роль данной структуры по отношению к функциям текстов данного типа. В нашей работе мы опирались на определение темпоральности, данное А.В. Бондарко: «функционально-семантическая категория, выражающая сущность физического и

философского аспектов времени, реализуемая различными языковыми средствами выражения времени: совокупностью грамматических, лексических и комбинированных средств, где ядром темпоральности является грамматическое время» [4].

В результате проведения исследования в текстах жанра комментария было выявлено преобладание временной формы презенса в качестве основного выражения категории темпоральности. В рассмотренных текстах презенс в активной и пассивной форме, а также в формах Konjunktiv I и II встречается в 53.06% случаев. Можно предположить, что частое употребление данного грамматического времени связано с тем, что оно точнее всего указывает на актуальность описываемых событий. Например, *Brzezinski druckt damit eine bis heute gultige amerikanische Strategie aus: Die USA wollen Russland auch in seiner unmittelbaren Nachbarschaft so weit wie moglich zuruckdrangen* [3].

При этом распространение получили и другие глагольные формы, в частности, претерит (17.71%), перфект (7.16%) и футурум I (2.73%), использующиеся для сообщения данных о предшествующих событиях или для создания прогноза на будущее.

Так, претерит подчеркивает отнесенность описанных событий к прошлому, не выражая при этом связи с настоящим. Например: *Kurz, der schon mit 16 der Partei beirat, galt als schnoseliger Polit-Hallodri* [3]. Его сравнительно частое употребление можно

связать с тем, что в комментариях авторы, рассказывая об актуальных ситуациях, практически всегда сообщают о предшествующих им событиях, раскрывают предысторию и через неё обозначают причины сложившейся ситуации. Использование перфекта в исследуемых текстах подчеркивает, что указанное действие в прошлом продолжается в настоящем или к настоящему моменту еще не утратило своей актуальности (напр., *Darin hatte das ZK vor sieben "falschen ideologischen" Trends und Konzepten gewarnt, welche Chinas Gesellschaft derzeit unterwanderten* [3]). Употребление футурума I в комментариях связано с прогнозами развития ситуации, которые приводит автор (напр., *Sie wird kalkulieren, was sie mit mir macht, sie kalkuliert die Kosten genau* [3]). С помощью данной временной формы он описывает возможные варианты развития событий, сообщает о чьих-либо намерениях или планах, а также о последствиях описанной ситуации, которые могут проявиться позже. Автор может использовать футурум и для постановки риторических вопросов, которые размещаются в тексте для усиления экспрессивности (напр., *Wird Genschman sich als nachstes fur Hammonds Rettung einsetzen?* [3]).

Также для выражения темпоральности используется набор лексических средств, а именно существительные (4.22%), наречия (9.42%) и прилагательные (1.6%) со значением времени. Они позволяют уточнить детали рассматриваемых событий, ограничить описываемый временной период или дать ссылку на конкретную дату, - точнее сослаться на интересующий автора отрезок времени. Так, существительные появляются в тексте комментария в качестве маркеров, указывающих читателю на отнесенность текста во времени, его принадлежность к прошлому, настоящему или будущему, к четко ограниченному периоду времени. Использование существительных и субстантивных групп необходимо, когда автор ссылается на какое-либо событие, предшествующее описываемому, ограничивает релевантный для анализа период времени или сообщает о предстоящих событиях, например: *Im Jahr 2003 war Chodorkowski in die Muhlen des russischen Straflagersystems geraten, das alle Systemwechsel unbeschadet uberstanden hat* [3]. Употребление большого

количества наречий в текстах связано с тем, что с их помощью автор может более четко указать на временной период, о котором идет речь в каждом конкретном предложении. Наречия носят функцию уточнения временных отношений, заданных другими языковыми средствами (напр., *Er lebt derzeit im Ausland, um einer Haftstrafe wegen Korruption wahrend seiner Amtszeit zu entgehen* [3]). По сравнению с существительными прилагательные играют значительно меньшую роль в формировании темпоральной структуры. Вероятно, это связано с тем, что прилагательные со значением времени используются в тексте для характеристики предмета через его связь со временем, однако эта связь в полной мере выражена другими языковыми средствами (напр., *Der Druck auf sie ist in den vergangenen Wochen massiv gewachsen* [3]).

Кроме того, нами было отмечено функционирование предложений с темпоральной семантикой в рассмотренных текстах (1.88%). Использование придаточных предложений позволяет автору передать отношения одновременности-разновременности между двумя и более событиями, например: *Die russische Bevolkerung der Krim erhob sich gegen die Zentralregierung, noch bevor Putin Truppen in Marsch setzte* [3].

Все перечисленные языковые средства, использованные в текстах, служат для реализации принципов, являющихся основополагающими для создания текста комментария: принципа актуальности и наличия авторской интерпретации описываемых событий, их объяснения и оценки.

Список литературы

1. Тертычный А.А. Аналитическая журналистика. М.: Аспект-Пресс, 2010. 352 с.
2. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. М.: Флинта, 2008. 264с.
3. Журнал «Шпигель» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de> (дата обращения: 16.02.2014).
4. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука, 1990. 263 с.

УДК 81'1

РЕЧЕВОЙ АКТ УГРОЗЫ И СПОСОБЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

© 2014 г. Ю.В. Рябкова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

julia_riabkova@mail.ru

Анализируется речевой акт угрозы и средства его реализации в современном немецком языке на материале диалогических единств, отобранных из корпуса художественной литературы Cosmas.

Ключевые слова: речевой акт угрозы, комиссивы, директивы, смежные речевые акты, Остин, Серль, классификация, признаки.

Речевые акты, в том числе речевые акты угрозы, составляют важную часть коммуникативной деятельности человека, основанной на определенной коммуникативной ситуации и преследующей определенную цель.

Согласно теории Дж. Серля [1, с. 151] под речевым актом (РА) понимается высказывание, порождаемое и произносимое с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального (как правило, адресованного) действия с помощью такого инструмента, как язык/речь

Точки зрения исследователей, занимающихся проблемой классификации речевых актов расходятся. Дж. Остин [2] и Дж. Серль [1; 3] относят РА угрозы к комиссивам. А. Ю. Маслова [4] утверждает, что РА угрозы относятся к директивам. На основе этого представляется возможным выделить признаки речевого акта угрозы, которые отличают данный РА от смежных ему речевых актов, таких как предостережение, предостережение, обещание, приказ:

Первые три - направленность на будущее, обязательство/отсутствие обязательства говорящим совершить предсказуемое действие и наличие/отсутствие ущерба адресату – выделены Дмитрием Олеговичем Жучковым [5] в диссертации на основе английского языка. К ним мы считали целесообразным добавить такие признаки как обязательство/отсутствие обязательства адресата совершить предсказуемое действие и выгодность/невыгодность

для говорящего. Несмотря на то, что основные выделенные нами признаки являются признаками, определяющимися коммуникативной ситуацией, мы посчитали необходимым отдельно выделить языковой признак возможности/невозможности перформативного оформления речевого акта.

Для речевого акта угрозы характерна невозможность его перформативного оформления. Перформативом Дж. Остин назвал высказывание, в котором его произнесение и есть выполнение действия. Мы не можем сказать «Ich drohe dir» - «Я тебе угрожаю».

Кроме того, в работе мы рассматриваем виды негативных последствий, с которыми может столкнуться адресат.

- угроза жизни адресата;

Willst du sterben, Gringo? [6]

- физический ущерб (угроза здоровью) адресата;

Wir lassen Sie ausbluten, wenn Sie den Namen nicht sagen [7].

- моральный ущерб адресату, т. е. такие действия, которые способны нанести вред эмоционально-психическому состоянию адресата;

und wenn du mir nicht gehorchst, so bist du unglücklich [8].

- «смешанный ущерб». В высказываниях угрозы в данном случае комбинируется потенциальный моральный и физический ущерб;

- ущерб собственности адресата.

В проанализированных нами РА угрозы

не было найдено соответствий выделяемым Д. О. Жучковым признакам «смешанного ущерба» и ущерба собственности адресата.

К данным видам негативных последствий, выделенных Жучковым, мы добавили такой вид как «негативные последствия для говорящего», где предполагаемый ущерб от совершенного адресатом действия понесет сам говорящий, например:

Kommen Sie sich naher, ich spring sonst ins Wasser [9].

Речевая коммуникация – это процесс, основой для которого служит выбор оптимальных языковых ресурсов, которые служат для достижения цели того или иного речевого акта. В работе нам удалось определить основные синтаксические и морфологические средства, выражающие РА угрозы в немецком языке.

- в РА угрозы используется стилистический прием инверсии для достижения наиболее существенного коммуникативного эффекта;

Wird's bald! [10]

- по цели высказывания предложения, выражающие РА угрозы являются побудительными;

- основными временными формами, передающими РА угрозы являются Präsens и Futurum I;

Wenn Ihr das versucht, seid Ihr tot! [11]

ich werde es Mama erzählen, wie du mit deiner Nachbarin flirtest [12].

Таким образом, мы выделили основные признаки речевого акта угрозы, виды негативных последствий, к которым он может привести, а так же определили основные морфо-

логические и синтаксические признаки, характерные РА угрозы в немецком языке.

Список литературы

1. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
2. Остин, Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
3. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
4. Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику: учебное пособие. – 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 152 с.
5. Жучков, Д. О., Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа (на материале английского языка): автореферат. Воронеж, 2010. 181 с.
6. Garner, R. F.: Gannons Gold, [Trivialroman]. Hamburg, 1990. 183 S.
7. Walsler, Martin: Ehen in Philippsburg, (Erstv. 1957). Frankfurt a.M., 1985. 325 S.
8. Grimm J., Grimm W. Der arme Junge im Grab, (Erstv. 1819). Munchen, 1978. 1040 S.
9. Torwegge, Claudia: Liebe hat ihre eigenen Gesetze[Trivialroman]. Hamburg, 1990. 234 S.
10. Muller, R.: Die Ritter der Euterpe. Foritz, 2004. 580 S.
11. Planert, A. Rubor Seleno. Foritz, 2005. 397 S.
12. Schmitzer, S. Wohin die verschwunden ist, um die es ohnehin nicht geht. -wird uns lieb gewinnen, [Trivialroman]. Hamburg, 1990. 427 S.

УДК 812

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АВСТРИЙСКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

© 2014 г. М.С. Жесткова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
marinazhestkova@mail.ru

Анализируются частотность и области употребления австрийских диалектизмов в текстах художественной литературы и в статьях австрийских газет за период 1991-2000 гг. Анализ найденных лексических единиц позволяет также определить функции их употребления.

Ключевые слова: диалектизм, немецкий литературный язык, Вертлиб, употребление, функция, художественный, публицистический дискурс.

Диалекты как форма существования языка часто противопоставляются национальной форме языка (Nationalsprache), тогда как национальному языку, в свою очередь, также противопоставлен обиходный вариант языка (Umgangssprache). О природе диалекта и его соотносительности с национальным языком часто ведутся споры. Но по справедливому замечанию В.А. Чукшиса, диалекты являются престижной формой существования языка и все чаще используются в повседневном общении в качестве «домашнего», «семейного» языка, проникают в общественную жизнь через печать, радио, телевидение [1]. Диалекты также обладают отличительными особенностями. У. Аммон выделяет следующие: 1) диалект представляет собой языковую разновидность (Varietat) стандарта в противоположность дистантному языку (Abstandssprache), существующему обособленно; 2) имеет узкорегиональный характер; 3) не стандартизирован и существует только или преимущественно в устной форме [2].

Несмотря на тот факт, что вершину языковой парадигмы в Австрии образует немецкий литературный язык, следует отметить, что он выступает здесь в австрийском варианте, для которого характерны специфические структурно-нормативные особенности на всех языковых уровнях. Например, различия на фонетическом уровне - оглушение слабых согласных [b], [d], [g], [z] в начальной и интервокальной позициях, ср.: so - австр. [so:];

собств. нем. [zo:];

- реализация начального ch перед e, i в некоторых словах иноязычного происхождения как взрывного [к], ср.: Chemie, China - австр. [ke'mi], [kina], собств. нем. [se'mi:], [cina];

- произношение конечного g в суффиксе -ig как слабого взрывного [g], ср.: wenig - собств. нем. fve:mc], австр. fve:mg].

В словарном составе немецкого литературного языка в Австрии явления дивергентности наиболее ярки и значительны. Они представлены, прежде всего, большим количеством

по-австрийски маркированных гетеронимов - специфических для данной страны наименований, которые по своей материальной оболочке отличаются от обозначений того же денотата в собственно немецком варианте литературного языка (собственно лексические диалектизмы), ср.: австр. Marille, / (< итал.) - собств.нем. Aprikose, / (< нидерл.); австр. Obers, n - собств.нем. Sahne, /; австр. Karfiol, m (< итал.) - собств. нем. Blumenkohl, m; австр. Paradeiser, m -собств.нем. Tomate, /; австр. Matura, /-собств. нем. Abitur, n; австр. Erlagschein, m - собств.нем. Zahlkarte („Formblatt für Einzahlungen auf Postämtern“); австр. Topfen, m - собств. нем. Quark, m. Как видно из приведенных примеров, по-австрийски маркированные гетеронимы охватывают разные тематические группы лексики, хотя наиболее многочисленны они в группах, связанных с бытом, с кулинарией, названиями

продуктов питания, блюд, сельскохозяйственных культур. Они могут быть охарактеризованы как лексико-семантические аналоги. В рамках общей макросистемы немецкого литературного языка (охватывающей в идеале все его варианты) лексические австрицизмы выступают по отношению к эквивалентным им словам в других немецкоязычных странах, как национально маркированные синонимы, облеченные определенной стилистической функцией.

На словообразовательном уровне можно обнаружить следующие особенности:

- частотность употребления суффиксов -chen, -lein (Bruderchen, Liedchen);

- суффиксы -l, -erl, -el также со значением диминутивности (типа Bankel/Bankl, Bartl, Kammerl);

- словосложение: наличие/отсутствие соединительного элемента (собств. нем. Visiten-karte - австр. Visit-karte, собств.нем. Fabrikviertel - австр. Fabrik-s-viertel) и др. [3,4].

Опираясь на роман В. Вертлиба «Zwischenstationen», мы выделили следующие виды диалектизмов, наиболее часто использующихся в художественном дискурсе, и проследили частотность их употребления: собственно лексические (совпадающие по своей материальной оболочке с соответствующими лексемами собственно немецкого варианта, но отличающиеся от последних по своей семантике): die Haube (в значении 'Mutze'), der Mist (в значении 'Mull'); этнографические или безэквивалентная лексика: das Leibchen (в значении 'eine Art Brotchen'), die Klomuschel (в значении 'Toilettenbecken') и словообразовательные. Стоит отметить, что собственно лексические диалектизмы доминируют в авторской речи над другими видами.

Найденные австрицизмы можно также классифицировать по следующим критериям:

I. Морфологический (частеречный)

Если разделить диалектизмы по частям речи, то примерное процентное соотношение будет такое: - существительные - 63 %

- глаголы – 15 %

- прилагательные и наречия – 20 %

- прочее – 2%

II. Семантический

1. Предметы одежды: die Haube

2. Еда и напитки: das Laibchen, das Kraut,

der Kaffee, die Praline

3. Предметы домашнего обихода: die Klomuschel, der Mist, die Vorhänge, der Knopf.

4. Бизнес, работа: der Wagen, das Gehalt, die Zeremonie.

Австрицизмы нередко используются и в языке СМИ. Основные функции публицистического стиля? информационная и агитационно-пропагандистская, которые реализуют политическую информацию для идеологического воздействия на массы с целью формирования общественного сознания и побуждения их к активным действиям [1]. Материалом исследования послужила электронная версия австрийских газет за 1991-2000 гг, таких как "Tiroler Tageszeitung", "Die Presse", "Salzburger Nachrichten".

Проследив частотность и область употребления найденных единиц в австрийских газетах, мы пришли к следующим выводам:

- 1) частотность употребления словообразовательных диалектизмов составляет примерно 60 %, что гораздо больше по сравнению с употреблением в художественной литературе. Например, *Natürlich bin ich voll auf zufrieden, aber diese sechs Hundertstel tun schon weh, sagte das sympathische Madel offen; Sachpreise, viel Spa? und Wurstel beim Kuchenfest* [8].

- 2) область употребления варьируется от *Kultur do Innenpolitik: Asiatika im Dorotheum: "ungenauere Zuschreibungen" oder "Mist?; Als ein funfjahriger Bub aus Gschnitz auf der Landesstra?e taleinwärts ging* [7; 8] и др.

Проведя сравнительный анализ найденных лексических единиц, мы смогли выделить следующие функции введения австрицизмов в контекст художественного и публицистического дискурса:

- 1) функция создания локального колорита помогает воссоздать местную атмосферу, часто используются исконно австрийские реалии: *Der Trugschlu?: Als Streiter in der 59. Minute Raschid Rachimow am Leibchen hielt und dafür die gelbe Karte kassierte, sah Hrubesch rot* [8].

- 2) эмоционально-экспрессивная: *Ich musste an die trostlosen Wohnungen und die vielen Menschen denken, die mich als „Tschusch“ und Ausländerbub beschimpft hatten* [7]. *Tschusch* выражает презрительное отношение австрийцев к представителю славян-

кого, южно-восточно-европейского народа.

3) идентифицирующая: например, *Gru? Gott* является одной из форм приветствия в Австрии, поэтому можно сделать вывод о том,

что диалог ведут австрийцы, или речь идет об Австрии: *Und schlu?endlich, was ist denn eigentlich aus unserem fruheren "Gru? Gott" geworden? Ist das verbildete Adieu (frz.) als "tschuss, tschau" oder amerik. "hello" noch bodenstandig fur unser Land?* [8].

Список литературы

1. Чукшис В.А. Лингвистический статус и функции диалекта в австрийском и швейцарском национальных вариантах современного немецкого языка. Владимир, 2013. 161 с.

2. Копчук Л.Б. Лексика и фразеология немецких диалектов. СПб.: ООО Береста, 2002. 127 с.

3. Филичева Н.И. Немецкий литературный язык. М.: Высшая школа, 1992. 175 с.

4. Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1983. 191 с.

5. Vertlieb V. Zwischenstationen. Wien, Deuticke, 1999. 464 S.

6. Deutsches Universalwörterbuch.? Mannheim; Leipzig; Wien; Zurich: Dudenverlag, 2006. 2112 S.

7. Oberosterreichische Nachrichten online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nachrichten.at> (дата обращения: 21.03.2014).

8. Tiroler Tageszeitung online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tt.com> (дата обращения: 21.03.2014).

9. Osterreichisches Wörterbuch. - 35., vollig neubearbeitete und erweiterte Aufl. Wien, 1979. 432 S.

УДК 811.161.1'04 + УДК 81'367.335

ТИПЫ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ В
«ЖИТИИ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО» ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО

© 2014 г. А.Ю. Шелудько

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

gelyasheludko@yandex.ru

Анализируются особенности структурной организации сложного предложения в агиографическом тексте Епифания Премудрого как средство создания жанрово-стилевых особенностей указанного произведения.

Ключевые слова: синтаксис, агиографическая литература, сложное целое, жанрово-стилевые особенности, плетение словес.

Актуальность поставленной проблемы связана с рядом причин.

1. Если предмет синтаксиса современного русского языка составляет изучение законов сочетания слов и образования предложений, то предметом исторического синтаксиса называют изучение законов развития синтаксического строя языка, включая законы возникновения элементов качественно новых и последовательного исчезновения элементов старого качества. На протяжении столетий происходили изменения и последующие усовершенствования синтаксической системы.

Приходится отметить, что до сих пор не получено однозначного вывода относительно истории синтаксической системы, и научная разработка остается незавершённой.

2. При рассмотрении отличительных особенностей синтаксического строя древнерусского языка конца донационального и начала национального периодов в сопоставлении с современным русским синтаксисом, наибольших споров вызывает вопрос наличия в синтаксисе древнерусского языка сложного предложения.

Так, согласно одной точке зрения, наблюдения над синтаксисом древнерусских памятников показывают, что язык имел достаточно развитую синтаксическую систему, с вполне сложившимися формами простого и сложного предложения [1, с. 125]. Такую версию

мы находим, например, в работах Т.П. Ломтева, В.И. Борковского, Н.Д. Русинова [2, с. 160].

С другой точки зрения, сторонники гипотезы, что сложное предложение в древнерусском языке находилось еще в зачаточном состоянии и не было развито, относят время его формирования только к старорусскому периоду (XV–XVII вв.). Правда, указывается, что широко использовалась такая связь, которая получила название конструкции цепного нанизывания предложений (достояние живой древнерусской речи; далее ЦНП) – объединение ряда простых предложений-высказываний, при этом в грамматическую связь однородного следования вступают неоднородные предложения [3, с. 486].

Таким образом, мы приходим к выводу, что актуальность разрешения вопроса о наличии сложного предложения в памятниках древнерусской письменности при существовании большого количества научных исследований по-прежнему высока.

3. Материалом для наблюдения и анализа был выбран такой памятник древнерусской литературы, как «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, епископа Пермского» (далее «Слово», ЖСП). «Слово» является одним из наиболее ярких памятников русской агиографии и древнерусского литературного языка. В связи с этим стоит учесть тот факт, что согласно иерархии жанровой

системы древнерусской литературы, изображённой Н.И. Толстым в виде пирамиды [4, с. 168], высокое положение (третья ступень) занимала именно агиографическая литература как авторитетная и содержащая достаточное число «национальных» текстов. Однако жанр агиографии в истории русского литературного языка не получил достаточного лингвистического освещения. Поэтому исследование именно текста жития как примера, отражающего нормы грамматической структуры, главным образом синтаксические, кажется нам наиболее значительным.

Период конца XIV–начала XV в. явился важным этапом в истории русского литературного языка в связи с тем, что идеологические, политические, культурные процессы того времени приводят к значительным изменениям и в письменном литературном языке того времени, которые в науке получили название «второго южнославянского влияния», ставшего первоначально отличительным признаком книжно-славянского типа языка. При наличии многочисленных анализов проблем второго южнославянского влияния в современной лингвистике отдельные вопросы воздействия до настоящего времени остаются неразрешёнными и не изученными, в частности вопросы, затрагивающие аспекты отражения стиля «плетение словес» в синтаксисе.

С точки зрения многих ученых (Д.С. Лихачёв, Л.П. Жуковская, Б.А. Ларин и др.) по своему происхождению южнославянское влияние не столько иноязычное, сколько архаизирующее. Архаизация сказалась на всех уровнях книжно-славянского типа языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом. Так, особенностью языка Епифания Премудрого было наличие большого числа архаизмов, в том числе грамматических [5, с. 190].

Объектом нашего исследования является синтаксическая организация древнерусской речи на примере текста «Жития Стефана Пермского».

Предметом наблюдения и анализа в данной работе явились грамматическая структура сложного целого и его характеристика в данном тексте.

Выбор темы работы обусловил постановку цели исследования: выявление особенностей структуры сложного предложения в ЖСП и её роли в формировании жанрово-стилевых особенностей указанного текста.

Методика исследования.

Взятый для исследования текст подвергался синтаксическому анализу, в процессе которого применялись традиционные методики: наблюдения, описания, сопоставления. В силу небольшого объема текста и в связи с целью нашего исследования нами была проведена сплошная выборка из него.

Прежде чем начать подробный разговор о синтаксической системе «Слова», необходимо определить термины, которые мы в дальнейшем будем использовать. Вслед за проф. А.М. Пешковским, чья точка зрения представляется нам наиболее достоверной, мы принимаем термин «сложное целое» [6, с. 455]. «Сложное целое есть сочетание предложений, соединенных союзами, союзными словами или союзными синтаксическими паузами и не разъединённых разделительными синтаксическими паузами» [6, с. 459].

Как показало наше исследование, синтаксис жития Стефана Пермского отличается богатством сложных целых с сочинительной (далее СЦС) и подчинительной (далее СЦП) связью, широким использованием причастных конструкций и оборота «дательный самостоятельный». Характеризуя синтаксический строй сочинения Епифания Премудрого, мы отметили преобладание сложных целых с союзами, выражающими отношения подчинения.

1) Текст «Слова» анализировался нами «по горизонтали», то есть с точки зрения его структурно-грамматической организации, и был разделён на сложные целые, каждое из которых в свою очередь делилось на простые предложения – высказывания (далее ППВ). Предметом анализа явились 259 синтаксических структур. В процентном отношении данное число составляет около 76%, что может свидетельствовать о постоянно всё более усложняющихся в древнерусском языке отношениях между простыми предложениями и достаточно продуктивном развитии способов подчинения на базе грамматической связи следования предложений повествовательного и модального плана.

2) По результатам наблюдения количество СЦП преобладает над СЦС; (количество СЦС составляет 73 структуры; *Отверзи уста своя, и исполню я!* [7, с. 161])

Прилежно имяше обычай почитати почитание книжное, и не бедно учение рад умедливая по ученьи, но да дондеже до конца по истинне уразумеет о коемждо стисе

словеса... [7, с. 164]

количество СЦП составляет 186 структур; *Сий преподобный отецъ наш Стефанъ бе ...сынъ некоего христовлюбца мужа верна християна, именемъ Симеона, единаго отъ клирикъ в великия соборныя церкви святыя Богородица, иже на Устьюзе...* [7, с. 163])

3) Среди СЦС преобладают предложения с соединительным значением, особенно с употреблением союза *и* (*И ныне да удивитъ господь милость свою с нищетою моею, и да утвердитъ уничтожение мое, и азъ уничтоженный не разумех...* [7, с. 162])

якоже древле Исаия пророкъ рече: «...»; также и Давидъ пророкъ рече: «...» [7, с. 162]).

Порядок объединения частей в составе сложного целого определен их смысловым содержанием: происходят ли события одновременно или следуют одно за другим. Сами соединительные союзы не выражают смысловых отношений, но указывают на наличие смысловой и логической связи. Таким образом, мы можем говорить о грамматически однородном нанизывании ПП (простое предложение) в составе СЦС согласно идее повествования. Правда, если сочинительный союз является звеном конструкции ЦНП, то соединяемые им предложения не будут являться однородными частями сложного целого. В подобных случаях мы сталкиваемся с отдельными высказываниями, объединенными одной темой (*И еще детищемъ сый измлада вдан бысть грамоте; ... и чтець бысть во сборней церкви; и бысть отрокъ доброразумичен зело* [7, с. 163]).

4) а) Среди СЦП большее количество составляют предложения с придаточными определительным; это может быть объяснено стилем «Жития» - «плетением словес», который является неким словесным орнаментом. Придаточное определительное становится как бы развернутым эпитетом, перекликаясь с лексической особенностью стиля «плетение словес», отмечаемой многими исследователями (Д.С. Лихачёвым, В.В. Колесовым и др.). Внешние излишества, описательность, ненужные на первый взгляд перечисления задают своим ритмом и витийством эмоциональность в сочетании с абстрагированием: за счет нагромождения создается ощущение значимости, а «извитие» затемняет смысл, но придает эмоциональность. Еще одним подтверждением тому становится то, что придаточные определительные вступают в отношения однородного подчинения: каждое после-

дующее предложение как бы распространяет и поясняет какой-либо член главного предложения. Активное использование конструкций с однородными членами и повторение одной и той же синтаксической конструкции – яркий синтаксический показатель «плетения словес» (*Азъ, худый, недостойный, убогий инокъ...хотелъ быхъ написати мало нечто...от добраго и чюднаго жития преподобнаго отца нашего Стефана, бывшаго епископа иже в Перми, о немъ же слово изначала приходитъ, еже от рожения его, и издетьска, и по уности, и по иночестве, и по священничестве, и по учительстве, и по святительстве, даже и до самого преставления его, еже добродееания его, еже и похвала...* [7, с. 161]).

Однако очень часто соединение в сложных конструкциях строится на основе не одного вида связи, но на их сочетании (как мы видим на данном примере): связь первого ряда – *...хотелъ быхъ написати мало нечто...от добраго и чюднаго жития преподобнаго отца нашего Стефана, бывшаго епископа иже в Перми, о немъ же слово изначала приходитъ...*; связь второго ряда – *о немъ же слово изначала приходитъ, еже от рожения его, и издетьска, и по уности, и по иночестве, и по священничестве, и по учительстве, и по святительстве, даже и до самого преставления его, еже добродееания его, еже и похвала...* В одном сложном целом сочетаются последовательное и параллельное подчинение придаточных определительных второго ряда, которые определяют подлежащее слово в предыдущем придаточном.

б) Средствами связи в основном выступают подчинительные союзы, что составляет 60% среди всех средств связи (*Щажу же ся и бою, еда како (чтобы не) кто на мя взнепщюеть и взнегодуетъ, яко зазоры ми в коемждо слове предлагаю;* [7, с. 162])

...успеваше же разумомъ душевнымъ, и верстою телеси и благодатию, к детемъ играющимъ не приставаше, иже в пустошь текущимъ и всуе тружющимся... [7, с. 163]).

Подчинительные союзы древнерусского языка были многозначны, поэтому часто встречаются примеры употребления одного союза для присоединения разных типов придаточных предложений (*и молюся ему, прежде прося у него слова потребна; аще дастъ ми слово надобно в отвержение уст моих* [7, с. 162]) – условный по значению союз присоединяет придаточное изъяснительное (молю, чтобы дал); *можетъ бо, аще хоцетъ, могий*

слепым свет даровати, и немым проглаголати, и бесплодным плод [7, с. 162]– присоединяет придаточное условное (ибо может, если захочет). Это служит свидетельством недоразвитости сложного целого с подчинительной связью.

Кроме того, при анализе текста мы столкнулись с рядом особенностей объединения простых предложений в составе сложного целого.

Во-первых, использование указательно-го местоимения (н я е + же) вместо относительного в придаточных определительных (*Но надеются на бога всемилостиваго и всемогущаго, от негоже вся возможна суть* [7, с. 161]), что с точки зрения СРЯ представляется более логичным.

Во-вторых, был обнаружен ряд *переходных конструкций*, когда в древнерусском тексте представлен факт бессоюзного подчинения предложений, но при переводе выявляется необходимость употребления одного из типов союзных придаточных предложений (...*всеми добродетянии украшен бе отрок той, поспевая возрастом в страх божии, страхом божиим умилился, еще млад буда в уности, отрок сы верстою, пострижесе в черньци, во граде Ростове у святаго Григория Бого- слова...*; [7, с. 164])

...и бысть, яко древо, плодовито, насажено при исходящих вод и часто напаяемо разумом божественных писании и оттуду прорастая грезити добродетелей, процвита види благолепия, **темь и плод свой даст во время свое** [7, с. 164]– который отдаст).

В-третьих, было замечено, что для обозначения цели действия в сложных целых использовались повелительные формы глагола (повелительный модальный план). Можно предположить, вслед за некоторыми учеными (Т.П. Ломтевым и др.), что в ДРЯ предложения с повелительной формой глагола могли выполнять функцию придаточного предложения цели. Придаточное предложение при этом примыкало к главному без посредства союзов (...*молю вы о сем, не зазрите ми грубости и не будите мои зазиратели; не бо от мудрости, но от грубости, якоже и выше речется, убедихся; не есм бо доволен или досужен на се ...* [7, с. 162])

В произведенной выборке неоднократно встречается оборот «дательный самостоятельный», по смыслу представляющий собой придаточное предложение (чаще указывающий на время, когда происходило действие, а также причины, условия), но по форме не явля-

ющийся ни придаточным предложением, ни обособленным распространенным членом предложения. (*То тако божиим дарованием в мале много **извыкнувшу ему, естествоною остротою ума своего, научи же ся в граде Устьюзе всей грамотичней хитрости и книжной силе*** [7, с. 163]– когда божьим дарованием понемногу выучился;

...*аз неключимый раб прострох нестойную свою руку, убедих свое злосътное неведение дерзних подробну писати, **аще богу помогающе, и молитвам епископлям споспешествующим*** [7, с. 162]– если бог поможет). Употребление этого оборота отчасти говорит о еще недостаточной развитости сложного целого с подчинительной связью в древнерусском языке донационального периода.

Т.о., можно увидеть, что употребление СЦ в памятниках «плетения словес» имеет свои особенности, напрямую связанные с установками автора создать пышный, витийственный стиль. Однородное соединение придаточных предложений перекликается, например, со значимыми признаками «плетения» в ППВ, такими, как однородность членов предложения.

Как показало наше исследование, структура СЦ в ДРЯ не очень развита. Об этом свидетельствуют переходные конструкции, оборот «дательный самостоятельный».

Список литературы

1. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Выш. Шк., 1972. 360 с.
2. Русинов Н.Д. Древнерусский язык. М.: Выш. Шк., 1977. 207 с.
3. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во Московского университета, 1956. 595 с.
4. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1988. 239 с.
5. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 296 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
7. Сокровища древнерусской литературы. Древнерусские предания (XI-XVI вв.) / Сост., вступ. статья, и коммент. В.В. Кускова; Подгот. древнерус. текста и пер. В.В. Кускова, В.А. Грихина, Г.Ю. Филипповский. М.: Советская Россия, 1982. 368с.

УДК 811.161

ЛЕКСИКА ГЕЙМЕРОВ «ВНЕ ИГРЫ»

© 2014 г. И.Л. Полетаева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

irenepolet@mail.ru

Анализируются особенности употребления лексики компьютерных игроков (геймеров) в разговорной речи и в языке СМИ.

Ключевые слова: жаргон геймеров, значение слова, разговорная речь, язык СМИ.

В настоящее время у каждого из нас в доме есть компьютер. Кто-то использует его для работы, кто-то знакомится в сети Интернет, а кто-то увлечён компьютерными играми. Количество людей, играющих в компьютерные игры, неуклонно растёт. Средний возраст геймера сейчас составляет 20 лет. Это говорит о том, что игра стала не только увлечением, но и серьёзным делом. В 90-х годах XX века появилось понятие «киберспорт», которое обозначает спортивные соревнования по компьютерным играм. А 12 марта 2004 года в России впервые киберспорт был признан официальным видом спорта. Но все же большая часть геймеров профессионально игрой не занимается.

Все эти факты указывают на то, что у геймеров, как у других спортсменов, должен быть свой жаргон. И он есть. Этот жаргон разнообразен, но недостаточно изучен.

Сообщество геймеров давно уже считается отдельной субкультурой, их жаргон – это открытая система, так как он довольно активно пополняется. Его пополнение связано как с быстрым развитием индустрии компьютерных игр, так и с особенностями речевого поведения геймеров, так как в игре нужно сосредоточить внимание на процессе, а не на общении, появляются слова, с помощью которых можно кратко и точно выразить свое мнение или посоветовать человеку что-либо. Сама игра требует от геймера краткости и точности языковых средств.

Краткости, точности и экономии языковых средств требует от нас и современный ритм жизни. Все меньше времени мы тратим на об-

щение. А значит, нужно емко и кратко передать нужную информацию.

Сходство использования речевых средств в игре и в обыденной речи, а также расширение аудитории игровой индустрии заставляет задуматься, а не проникают ли слова из жаргона геймеров в нашу повседневную речь и даже в СМИ?

Например, слово геймер, бывшее частью жаргона, теперь полноправно входит в литературный язык. Это слово зафиксировано в «Русском орфографическом словаре» под редакцией В.В. Лопатина [1].

Отсюда следует, что слова жаргона, прежде чем войти в обыденную речь, должны стать понятными не только носителям жаргона (вне зависимости от их числа), но и людям, не имеющим никакого отношения к этому жаргону. В этом и заключается особенность вхождения жаргонизмов в обыденную речь.

Но все же существуют такие слова, которые смогли преодолеть «барьер» жаргона и войти в речь, не связанную с миром компьютерных игр. Рассмотрим лишь два из них: нуб и задрот.

Слова нуб и задрот являются неотъемлемой частью жаргона геймеров. Их знают все игроки. Для того чтобы выявить актуальные значения в жаргоне и значения, с которыми эти слова вошли в повседневную разговорную речь, мы провели опрос среди аудитории интернет-портала «Пикабу» и социальной сети «ВКонтакте».

Всего мы опросили 118 респондентов. Из них 28 женщин и 90 мужчин; 49 респондентов в возрасте от 15 до 20 лет и 69 респон-

дента в возрасте от 20 и более. Из опрошенных 111 человека играют в компьютерные игры и только 7 человек не играют. На вопрос: «Используете ли Вы жаргон геймеров?» только 9 человек ответили отрицательно. 91 человек часто его используют, 17 человек слышали о жаргоне, но сами не используют. Самым популярным ответом на вопрос: «Почему Вы используете жаргон геймеров?» был ответ: «Потому что экономит время». О слове нуб 50% респондентов слышали в игре, а остальные 50% ? в обычной речи. А вот слово задрот 76% респондентов слышали в обычной речи, а 34% ? в игре.

В ходе опроса мы попросили наших респондентов описать значение этих слов в жаргоне.

Слову нуб чаще всего приписывали следующие значения (орфография и стилистика источников сохранена. – И.П.):

- 1) новый игрок;
- 2) неопытный игрок; малоопытный игрок; игрок, не имеющий никаких навыков в игре;
- 3) человек, который проявляет свое неумение делать что-либо;
- 4) плохо играющий человек; человек, не умеющий играть;
- 5) новичок, не разобравшийся в тонкостях игры; новичок, человек, не знающий особенности игры, не умеющий играть, использовать тактику, стратегию, чтобы привести игровую ситуацию к выигрышной или максимально вредной для противника;
- 6) тот, кто нифига не знает, но считает, что знает; человек, игравший долго, но так и не научившийся ничему;
- 7) неумеха; игрок с низкими способностями к игре;
- 8) новичок в более уничижительной форме; новичок, неумеха, плохой игрок, неопытный игрок, часто с презрительной интонацией;
- 9) новичок, ведущий себя провокационно-нагло, не желающий принимать негласные социальные правила игры.

Респондентами было выделено очень много оттенков общих значений, таких как ‘новичок’ и ‘неумелый игрок’. Эти оттенки значения очень важны, ведь они помогают понять, что в жаргоне это слово негативно-оценочное, что нуб – это не просто новичок, а человек, отказывающийся признавать отсутствие опыта.

Слово задрот наши респонденты описа-

ли так (орфография и стилистика источников сохранена. – И.П.):

- 1) игрок, навык которого выше среднего;
- 2) человек, который тратит много времени на игры; игрок, злоупотребляющий играми;
- 3) очень умелый игрок;
- 4) человек, заигрывающийся в одну игру;
- 5) человек, уделяющий большое количество времени игре, забыв о реальности; опытный игрок, тратящий очень много времени на комп. игры;
- 6) человек без личной и социальной жизни; ноулайфер; человек, начинающий жить игрой, подменяя реальную жизнь виртуальной;
- 7) человек, играющий в игры более 6 часов в день;
- 8) то же самое, что и геймер, только с оскорбительным акцентом.

Далее мы задали респондентам вопрос: «Используете ли Вы слова задрот и нуб при разговоре с кем-либо? Если да, то в каких значениях.» 75% ответили «да», 25% ? «нет».

Значения слова нуб в обыденной речи таковы:

- 1) неопытный пользователь ПК;
- 2) новички, мало знающие и иногда не желающие обучаться;
- 3) о неопытном в каком-то вопросе человеке;
- 4) человек, который что-то не умеет или у него не получается, не только в игре;
- 5) человек, который слабо разбирается в теме.

Семантическое поле слова расширилось (см. 1, 3-5). Это не просто новичок в игре, это человек, плохо разбирающийся в теме, или неумеха. Вот примеры использования этого слова в устной речи: Нуб в программировании; Я нуб в этих ваших загадках; Полный нуб в политике.

Значения слова задрот в разговорной речи можно представить следующим образом:

- 1) человек, добившийся чего-то слишком большого (задрот в учёбе);
- 2) слишком скрупулезно выбирающий что-либо человек;
- 3) человек, который относится к игре очень серьезно, отдает очень много времени и сил (задрот в футбол);
- 4) необщительный, тот, кто сидит дома, «втыкает» в компьютер или что-то интересное

только ему; человек, заикленный на одной теме;

5) физически слабо развитый человек.

Появление в значении жаргонного слова компонента 'слабость физического развития' связано с переносом значения этого слова из молодежного жаргона, где оно обозначает человека (чаще всего самого хилого), который отдает все свое время учебе.

Еще один интересный факт: в последнее время среди геймеров слово задрот стало употребляться реже (некоторые респонденты отмечали, что уже давно не слышали этого слова). Вместо него сейчас используются нолифе, нолайфер (произошедшие от английского словосочетания *no life* – «без жизни»). Нолифе (освоилось путем транслитерации) и нолайфер (освоилось путем практической транскрипции) обозначают человека без социальной и личной жизни (значение 5 в жаргоне). В значении этих слов нет компонента увлеченности чем-либо. А значит, их нельзя считать полными синонимами.

Как мы видим, в основном слова нуб и задрот используются в речи как негативно-оценочные (это связано с тем, что они пришли из субстандарта, а субстандартная лексика чаще всего выполняет экспрессивную функцию [2]) и в значениях, близких к жаргонным, только без отсылки к игре. Общее значение слова нуб – «новичок», а общее значение слова задрот – «человек, который сосредоточен на чем-либо». В речи появились лишь оттенки, не связанные с игрой. Нуб (в «повседневном» значении) – «плохо разбирающийся в чём-то, в какой-либо отрасли; неумеха, новичок». Задрот – «слишком увлеченный делом человек, тратящий все свое время на это; заикленный на чём-то человек».

Но все же употребление этих слов – редкое явление для разговорной речи: лишь 25% респондентов слышали эти слова во время обычного разговора. И только 18% видели или слышали эти слова в СМИ.

В СМИ появление этих жаргонизмов тем более неуместное, ведь язык СМИ опирается в первую очередь на книжный литературный

язык. В то же время ни для кого не секрет, что сниженная лексика в СМИ активно используется. Так, мы нашли примеры проникновения описываемых нами слов в массмедийную речь.

Одна из статей об Алексее Навальном в газете «Взгляд» называлась «Достучаться до каждого задрота». См. также: Эксперты отметили, что Навальный пытается привлечь к себе и тот сегмент, который обычно не ходит голосовать – «задротов», молодых людей с игровой компьютерной зависимостью. Далее. Не так давно Навальный ответил на вопросы журнала о компьютерных играх, признавшись в том, что он и сам – заядлый игрок. На сленге самих геймеров молодых людей, подсевших на такие игры, называют «задротами»[3]. Как мы видим, в газете слово задрот употреблено как жаргонизм в его первом значении.

Что же касается слова нуб, об этом слове писала газета «Лента.RU». В одной из статей этой газеты сообщается, что слово нуб включено в Оксфордский словарь в значении «новичок в той или иной сфере деятельности»[4]. Да, Оксфордский словарь никакого отношения к русскому языку не имеет. Но стоит вспомнить о происхождении слова нуб. Слово нуб произошло от американского жаргонизма *noob*, которое в свою очередь произошло от английского слова *newbie* – «новичок». То есть в английском языке это слово до недавнего времени тоже было жаргонизмом, а теперь, как мы видим, включено в один из ведущих словарей мира как часть литературного языка в значении «новичок». В таком же значении оно употребляется и в обыденной речи.

Таким образом, основываясь на проведенном опросе, можно сделать предположение о том, что темпы вхождения лексики жаргона геймеров в сленг, а затем, возможно, и в литературный язык, будут увеличиваться. Связано это с увеличением аудитории, увлекающейся компьютерными играми, с проникновением слов жаргона геймеров в интернет-жаргон, который уже активно взаимодействует с литературным языком, и с современной ситуацией общения, которая требует краткости, емкости и экспрессии.

Список литературы

1. Русский орфографический словарь. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 896 с.

2. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка. М.: Наука, 2012. 296 с.

3. Резников А., Белобородова О. Досту-

чаться до каждого задрота [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2013/8/9/644890.html> (дата обращения: 09.08.2013).

4. "Ретвитить" и "нуб" официально включили в Оксфордский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/08/19/retweet/> (дата обращения: 19.08.2013).

УДК 811.161.1

ОБРАЗОВАНИЕ ЭРГОНИМОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИМ СПОСОБОМ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ АПТЕК, СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ КЛИНИК,
РЕСТОРАНОВ И НОЧНЫХ КЛУБОВ Г. НИЖНЕГО НОВГОРОДА)

© 2014 г. А.В. Тимофеева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
klessli@mail.ru

Рассматриваются эргонимы, образованные путем метафорической, метонимической, символической онимизации и трансонимизации.

Ключевые слова: эргонимы, рекламное имя, лексико-семантический способ образования рекламных имен, онимизация, трансонимизация, метафорический перенос, метонимический перенос, символический перенос.

Эргонимы – «названия деловых объединений людей» [1, с. 151], например, предприятий, организаций; одна из разновидностей «рекламного имени» [2, с. 7], выделяющаяся наряду с «прагматонимами», «гемеронимами», «геортонимами» и «порейонимами» [3, с. 204]. Наименование товара, организации является заметным и устойчивым элементом, соединяющим продукт (услугу) и потребителя. От выбора того или иного названия во многом зависит успешность предприятия на рынке услуг.

Эргонимы образуются разными способами: «лексико-семантическим» [4, с. 109; 5, с. 69], «лексико-синтаксическим» [4, с. 108; 5, с. 70], «морфологическим» [4, с. 108], «морфемным» [4, с. 108], «специфическим» [5, с. 70].

Лексико-семантический способ – один из основных способов образования рекламного имени. Его суть заключается в том, что новые лексические единицы возникают вследствие изменения семантики уже существующих в языке слов. Эргонимы, образованные данным способом, неоднородны. Способы их образования могут быть классифицированы по разным основаниям.

По характеру исходного слова в науке выделяют следующие разновидности лексико-семантического способа:

– «семантическую онимизацию» [3, с. 205; 4, с. 139] (исходное слово – имя нарицательное);

– «семантическую трансонимизацию» [3, с. 206; 4, с. 146] (исходное слово – имя собственное, не являющееся названием предприятия);

– «заимствование» [3, с. 207; 4, с. 149].

Нами было проанализировано 270 наименований четырех типов организаций: аптек (82), стоматологических клиник (61), ресторанов (65), ночных клубов (62).

На нашем материале выявлено 93 случая онимизации (аптека *Витамин*, стоматология *Айсберг*, ресторан *Рояль*, ночной клуб *Паприка*) и 46 случаев трансонимизации (аптека *Авиценна*, ресторан *Эль Греко*). Поскольку заимствованное слово может являться как именем собственным, так и именем нарицательным, заимствования мы рассматривали среди эргонимов, образованных способами онимизации и трансонимизации.

По характеру семантических процессов, приведших к образованию эргонимов, выделяют:

– «метафорический способ» [6, с. 92];

– «метонимический способ» [6, с. 92];

– «символический способ» [3, с. 206].

Данные способы используются как при онимизации, так и при трансонимизации. Поэтому далее будем совместно рассматривать:

– метафорическую онимизацию и метафорическую трансонимизацию,

– метонимическую онимизацию и метонимическую трансонимизацию,

– символическую онимизацию и символическую трансонимизацию.

Метафорическая онимизация и трансонимизация

Согласно определению Ю.В. Вайрах, метафорическая онимизация – «разновидность семантической онимизации, при которой метафорический перенос предполагает наличие общего семантического элемента – дифференциальной или коннотативной семы: *Вечность, Комфорт, Омут, Очарование, Успех, Уют, Фаворит, Фанат, Юность*» [7, с. 79], то есть метафорическая онимизация связана с действительным или кажущимся сходством каких-то свойств именованного и исходного объектов. Использование метафорического переноса в качестве способа образования рекламного имени дает номинатору возможность имплицитно, скрыто обратить внимание аудитории на определенный признак товара или услуги.

Как отмечает В.Е. Красовский, «при метафорическом переносе меняется предмет, но само представление или понятие, ранее закрепленное за другим предметом, не меняется целиком. Какой-либо признак первоначального представления или понятия остается» [8, с. 20]. Отсюда можно вывести манипулятивное свойство метафоры – «способность влиять на видение ситуации, поведение, подсказывать принятие решения» [9, с. 163].

Среди нижегородских эргонимов было выявлено 46 наименований, при создании которых использовался метафорический перенос. Рассмотрим основания для такого переноса.

1. Сходство по функции (18 случаев): аптеки *Тотем, Лекарь* (так, например, товар, предлагаемый аптекой *Тотем*, должен стать защитником, хранителем здоровья). Часто с использованием такого типа переноса называют ночные клубы: *Зажигалка, Бермудский треугольник, МоТоР*.

2. Сходство по ценностным характеристикам (13 случаев): рестораны *Пять звезд, Премьер*; ночные клубы *Барин, Резиденция*. Такие эргонимы можно связать с социально-престижными потребностями (по А. Маслоу). Они формируют представление о высоком уровне заведения, его престижности; приглашают посетителя туда, где он сможет почувствовать себя важной персоной.

3. Сходство по физическому/психологическому свойству (11 случаев) / состоянию (4 случая):

– цвет (стоматологические клиники *Облака, Айсберг*);

– крепость (стоматологические клиники *Айсберг, Зубр*);

– «вкусовые» качества (ночные клубы *Rafinad, Соль, Паприка*).

Метонимическая онимизация и трансонимизация

Ф.Ф. Алистанова называет метонимическую онимизацию «одним из ведущих процессов при создании эргонимов» [4, с. 140]. Она объясняет это тем, что «эргонимы, образованные таким способом, могут нести в себе и информативность, и индивидуальность одновременно» [4, с. 142]. Они имеют большой «потенциал воздействия на адресата с учетом актуализации системы ассоциаций, связанных с тем или иным концептом» [4, с. 142].

Нами было выделено 39 эргонимов, образованных путем метонимического переноса. Перенос значения осуществлялся по следующим основаниям.

1. Специфика кухни (13 случаев). В названиях ресторанов часто отражают национальную специфику их кухни:

– восточная: *Али-баба, Хурма*;

– французская: *Гаврош* (по имени одного из героев французского писателя В. Гюго),

– испанская *Патио* (патио – название внутреннего двора дома в Испании).

Как видно, здесь нередко наблюдаются отношения опосредованной мотивированности и могут выстраиваться следующие ассоциативные цепочки: кухня < фрукт < страна, кухня < имя < страна.

2. Детали интерьера (5 случаев): рестораны *Рояль, Ёж, Двенадцать стульев*. Некоторые из этих названий на первый взгляд кажутся немотивированными, и только после просмотра сайтов ресторанов или посещения данных заведений становится понятным основание для выбора номинации. Так, в ресторане *Рояль* стоит соответствующий музыкальный инструмент, в ресторане *Ёж* можно повсюду увидеть фигурки ежей.

3. Товар (5 случаев): аптеки *Витамин, Витаминка, Фитобар, Лаванда*; ресторан *Базилик*.

4. Работник (4 случая): аптеки *АптекарьЪ, Аптекарь*; стоматологические клиники *Стоматолог, Дантист*.

5. Посетитель (4 случая): аптеки *Эконом, Социум, Здравяк*; ночной клуб *Incognito* (ночной клуб с названием *Incognito* может заинтересовать людей, которым захочется

отдохнуть, побыть собой, но при этом остаться неузнанными, избежать возможного осуждения).

6. Место расположения (3 случая): рестораны *Александровский сад*, *Минин*; стоматологическая клиника *Белинка*.

7. Музыкальное сопровождение (3 случая): ночной клуб *Opera*; рестораны *Бельканто*, *Венский вальс*.

8. Время работы (2 случая): ночные клубы *Вечёрка*, *От заката до рассвета*.

Символическая онимизация и трансонимизация

Данный способ образования рекламных имен указан в небольшом количестве известных нам работ [3, с. 206; 4, с. 144], причем он лишь называется и сопровождается примерами, но не определяется.

Основой для выбора символических имен является их закрепленность в культуре [4, с. 144], что позволяет посетителю легко узнать, запомнить такое название, а владельцу – вызвать доверие к своему заведению. Номинации этого типа во многом зависят от господствующих идей определенной эпохи [4, с. 145]. Так, в качестве номинаций второй половины XX века широко использовались слова из космической сферы (кинотеатры *Космос*, *Орбита*, конфеты *Метеор*) [4].

При символическом переносе отдаленная связь между исходным и конечным объектами номинации присутствует, но она не столь тесная, как при метафорическом или метонимическом переносе. Очевидно, что в целом все прецедентные имена можно считать именами-символами, так как они ассоциируются с чем-то знаковым (рестораны *Минин*, *Ермак*).

С учетом прецедентных имен нами было выделено 50 случаев образования эргонимов символическим способом (рестораны *Орион*, *Минин*, *Ермак*; ночной клуб *Chicago*).

Выбирая подобные наименования, нередко ориентируются на стереотипы о престижности западного. Чаще всего соответствующие имена присваивают ночным клубам (*London*, *Hollywood*). Они сохраняют графику языка-источника, что еще больше приближает посетителей данных заведений к иностранной (а для некоторых это означает *современной*) культуре.

Напротив, в названиях аптек и ресторанов отражают приверженность русским традициям: аптека *Ладушка*; рестораны *Чайка*, *Калина*, *Бурлак*. Исходные слова в подобных номинациях являются национальными симво-

лами.

К национальным символам можно также отнести названия ресторанов *Цай-Шень* (бог богатства в китайской мифологии), *Хати* (яп. ‘8’, что в японском синтоизме считается числом счастья [10]), *Ацумари* (яп. ‘собираться вместе’ [11]).

Отметим, что не всегда можно однозначно определить, какой тип переноса был использован при создании рекламного имени. Существует множественная (двойная, может быть тройная) мотивация. Так, выделяются эргонимы, образованные при помощи метафоро-метонимического переноса (18 случаев): аптека *36,6*; ночные клубы *Gagarin*, *Мечта*; рестораны *Усадьба*, *Феличита*, *Бельканто*; стоматологические клиники *Улыбка*, *Мастер*. Так, после посещения стоматологических клиник *Улыбка* и *Смайл* пациенты получают «красивую улыбку» (метонимический перенос) и атмосфера в этих клиниках представляется такой же приятной, как улыбка (метафорический перенос).

Наряду с множественной мотивацией выделяется неясная (для рядового потребителя) мотивация. Чаще всего она используется в названиях, связанных со спецификой заведения. Таково, например, название аптеки *Декоп*. *Декоп* – другое название лекарственного растения *сабельник болотный* [12]. В аптеке, конечно, продаются травы, лекарственные растения, но вряд ли кто-то из непрофессионалов знает значение слова *декоп* и хоть как-то свяжет его со сферой медицины.

В некоторых случаях названия являются, на наш взгляд, абсолютно немотивированными (аптеки *Скиф*, *Дилемма*, *Имплозия*, *Диада*). Особенно неудачным нам представляется название аптеки *Дилемма*, поскольку исходное слово несет в себе отрицательные семы: дилемма – «положение, при котором выбор одного из двух противоположных решений одинаково затруднителен» [13]. К неудачным можно отнести и другие названия-заимствования, которые никак не связаны со спецификой организации и значения которых не всем понятны, например, *Солинг*, *Аппарель* (названия стоматологических клиник). *Солинг* в переводе с норвежского означает ‘килевая гоночная яхта олимпийского класса’ [14], *аппарель* в переводе с французского – ‘устройство, аппарат’ [15].

Итак, в результате анализа названий ряда организаций Нижнего Новгорода мы пришли

к следующим выводам.

1. Лексико-семантический способ – это продуктивный, востребованный на современном рекламном рынке способ образования эргонимов (наименования, образованные данным способом, составляют на нашем материале более 51% от общего количества эргонимов).

2. Семантическая онимизация (66.2%) по сравнению с трансонимизацией (33.8%) – преобладающая разновидность лексико-семантического способа. В равной степени ей пользуются владельцы всех типов рассмотренных организаций. Способ трансонимизации чаще выбирают при номинации ночных клубов и ресторанов. Причем все названия ночных клубов, прошедшие путь трансонимизации, – прецедентные имена (13 случаев). И напротив, всего одно прецедентное имя встречается среди названий стоматологий.

3. В качестве названий аптек и ресторанов часто употребляются слова, связанные с русской культурой. Среди названий ночных клубов и стоматологических клиник преобладают слова, связанные с иностранной культурой.

4. Метафорический перенос и метонимический перенос встречаются примерно с одинаковой частотой.

5. Метафорический перенос чаще всего отмечается в названиях ночных клубов и стоматологических клиник; метонимический перенос – в названиях ресторанов и аптек.

6. Символический способ образования эргонимов практически не используется при обозначении стоматологических клиник.

7. Немотивированные и труднообъяснимые наименования (в том числе в виде непонятных заимствований) чаще встречаются в группе стоматологических клиник и аптек.

Список литературы

1. Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет, 2007. 158 с.

2. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград: Перемена, 2004. 288 с.

3. Романова Т.П. Система способов словообразования рекламных собственных имен // Вестник СамГУ. 2007. № 5/2 (55). С.204–214.

4. Алистанова Ф.Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема: Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2011. 179 с.

5. Аниськина Н.В. Модели анализа рекламного текста. М.: Форум, 2013. 302 с.

6. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.

7. Вайрах Ю.В. Способы словообразования наименований коммерческих предприятий Иркутска // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 4. С. 78–84.

8. Красовский В.Е. Теория литературы. М.: Диалог, 1997. 70 с.

9. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта, 2011. 224 с.

10. Ресторан «Хати» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.xatinn.ru/> (дата обращения: 05.11.2013).

11. Ресторан «Атсумари» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.atsumari.ru/restoran/> (дата обращения: 05.11.2013).

12. Оздоровительный центр «Красивая семья» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hong-gia.com/ShowArticle.aspx?id=17> (дата обращения: 05.11.2013).

13. Толковый словарь русского языка. М.: Аз, 1996. 928 с.

14. Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EE%EB%E8%ED%E3> (дата обращения: 10.11.2013).

15. Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C0%EF%EF%E0%F0%E5%EB%FC> (дата обращения: 10.11.2013).

УДК 81-139

ПРОБЛЕМА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СООТНЕСЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

© 2014 г. А.Ю. Кулюшин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

kulyushin@list.ru

Проводится сравнительный анализ фразеосистем русского и польского языков понятийной сферы «Материальные отношения» на основе материала, полученного из фразеологических словарей. Подробно рассматриваются эквивалентные и безэквивалентные фразеологические единицы в русском и польском языках.

Ключевые слова: русская и польская фразеология, материальные отношения, эквивалентные фразеологические единицы, безэквивалентные фразеологические единицы.

В настоящее время всё более востребованными становятся сопоставительные исследования в сфере фразеологии. Установление функционально-семантических тождеств между единицами двух языков продиктовано как культурологическими, так и методическими потребностями. В этом смысле цель анализа особенностей лексики того или иного языка заключается не просто в том, чтобы выявить внутрисистемные связи и отношения между словами, но в том, чтобы, условно говоря, посмотреть на мир и человека в нем сквозь языковую призму.

Цель работы – выявить сходные и различные черты фразеосистем русского и польского языков, рассмотреть типологию соответствий фразеологических единиц (ФЕ) и классификацию эквивалентных фразеологических единиц (ЭФЕ) в двух исследуемых языках; интерпретировать полученные языковые данные в лингвоспецифическом и культурно-историческом ключе.

Объект исследования – русская и польская фразеологические системы.

Основная единица фразеосистемы – фразеологическая единица. Под фразеологической единицей мы понимаем относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее целостным значением [1].

Непосредственный предмет нашего ис-

следования — фразеологические единицы понятийной сферы (ПСФ) «Материальные отношения», в частности тема

«Бедность-богатство», — служат базовым материалом для освещения такого понятия сравнительной фразеологии, как эквивалентная фразеологическая единица. Эквивалентная фразеологическая единица – понятие, связанное с переводческой деятельностью, берется нами в своем основном значении, учитывая особенности исследования.

Как отметил Я. И. Рецкер, под эквивалентом следует понимать «постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» [2].

Источником для фактического материала послужили фразеологические словари

К. Гюлюмянц (польская часть), А. И. Молоткова, В.М. Мокиенко, А.И. Федорова (русская часть) [3]. Полученный материал обработан и систематизирован в специальных формах электронной базы данных.

Словарь-справочник по русской и польской фразеологии Киры Михайловны Гюлюмянц [4] мы взяли за основу. Постановка проблемы лексико-семантической соотнесенности ФЕ в русской и польской фразеосистемах предполагает подробное знакомство со структурой словарной статьи названного словаря, которая выглядит следующим образом:

1. ЛЕММА (ФЕ-ПОЛ) — 2. Значение — 3. Пример из художественной литературы (ПОЛ) — 4. Перевод пол. примера (РУС).

Отдельного комментария требует поле «Значение». В этом поле Кира Михайловна указывает русские эквиваленты польским фразеологизмам.

С точки зрения степени эквивалентности в словаре представлены три группы фразеологических соответствий [4].

Первая группа - фразеологические сочетания русского языка, тождественные польским в структурном и смысловом плане: *złota zyła* – ‘золотая жила’, *skrajna niedza* – ‘крайняя нужда’, *osiąść na mieliznie* – ‘сесть на мель’, *umierać z głodu* – ‘умирать с голоду’, *wleźć wługi* – ‘влезть в долги’.

Следующая группа эквивалентов - фразеологизмы русского языка, тождественные польским в смысловом отношении, близкие им по образности и частично отличающиеся внешней оболочкой. Различия в плане выражения определяются некоторым несоответствием лексического состава, морфологических характеристик, синтаксического построения [4].

Чтобы наглядно продемонстрировать различия, мы дополнительно используем прямой перевод польских ФЕ. Приведем примеры: *czym chata bogata, tym rada* (чем хата богата, тем рада) – ‘чем богаты, тем и рады’; *wziąć żonę w jednej koszuli* (брать жену в одной рубашке) – ‘в одной рубашке’; *czepać pełną dłońią* (черпать полной ладонью) – ‘черпать полными горстями’; *dzielić się z kims każda łyżka strawy* (делиться с кем-л. каждой ложкой похлебки) – ‘делиться последним куском хлеба’; *pracować za łyżkę strawy* (работать за ложку похлебки) – ‘работать за кусок хлеба’; *stoly uginają się od czegoś* (столы прогибаются (гнутся) от чего-либо) – ‘столы ломаются от чего-л.’

Представленные эквивалентные пары заставляют обратить внимание на различия в принципах номинации, существующие в сфере «Материальные отношения» двух национальных фразеосистем. Русские ФЕ характеризуются большей образностью, абстрактностью, метафоричной выраженностью. Польские ФЕ, наоборот, наличием конкретных деталей в компонентах, метонимическими переносами. Проблема лексико-семантической соотнесенности во многом решается благодаря более подробному изучению структуры ЭФЕ.

Наконец, третья группа. Безэквивалентные фразеологические единицы (БФЕ) отражают собственно польские реалии и не имеют в русском языке фразеологических эквивалентов. Значение этих фразеологизмов передается описательно при помощи свободного сочетания, близких по значению слов или системой подобных понятий. Однако и здесь встречаются случаи, когда при переводе выбирается не только свободное сочетание или отдельная лексема, но и фразеологический эквивалент [4].

Примеры: *chleb (kogos) bodzie* (хлеб бо-дает) – благосостояние делает человека заносчивым, самоуверенным, ‘хлеб распирает’; *popaść w ruinę* (попасть в упадок) – разориться; *goly jak bizun* (голый как ремень) – ‘гол как сокол’, ‘ни кола ни двора у кого-л.’; *wychodzić jak Zablocki na mydle* (выходить, как Заблоцкий на мыле) – остаться ни с чем, обнищать.

Этимология многих из таких выражений прослеживается не всегда, поскольку зачастую связана со специфическими национальными реалиями, а также их переосмыслением у того или иного народа. Для русского человека, например, неясно, на каком «мыле» «выходил Заблоцкий». С другой стороны, интересен историко-этимологический комментарий для ФЕ гол как сокол. Согласно словарю В.М. Мокиенко *сокол* здесь — старинное стенобитное орудие из чугуна или железа в форме длинного и толстого бревна или бревно, окованное металлом. Поверхность сокола была гладкой, «голой» [2].

В представленных выше примерах обрисованы разные возможные случаи определения поля «Значение» для БФЕ. Как видно из примеров, значение БФЕ передается как с помощью русской ФЕ, так и с помощью свободного сочетания и отдельной лексемы. Отсутствие этимологического комментария в русско-польском фразеологическом словаре создает преграду для понимания некоторых национально-культурных особенностей БФЕ.

Взяв за основу словарь К. М. Гюлумянц, мы проанализировали способы определения автором значения польских ФЕ и их перевода на русский язык. Системный подход в формировании поля «Значение» позволяет взглянуть на ФЕ с точки зрения их эквивалентности и безэквивалентности. Сравнивая частично эквивалентные ФЕ, мы обнаружили, что польские ФЕ обладают большей конкретностью (чаще всего благодаря наличию допол-

нительных лексических компонентов в структуре фразеологизма), а русские ФЕ – большей абстрактностью. Классификация, разработанная на основе параметра абстрагированности, позволила анализировать ФЕ с точки зрения национально-культурных особенностей. В полученном материале обнаруживают себя вехи польской культуры: элементы, связанные с доминирующей в Польше конфессией (католицизмом), отголоски реалий, связанных с польской шляхтой, следы уникальных ремесел, деятельности исторических лиц и др. БФЕ третьего типа нуждаются в более подробном рассмотрении, поскольку имеют малоизученный характер.

Список литературы

1. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
2. Рецкер. Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Междунар. Отношения, 1974. 285 с.
3. Мокиенко В.М., Бирих А.К., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1998. 700 с.
4. Гюлумянц К.М. Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. Мн.: Экономпресс, 2004. 688 с.
5. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. 544 с.
6. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И.Федоров. Т 1. М.: Цитадель, 1997. 391 с.
7. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т./Сост. А.И.Федоров. Т 2. М.: Цитадель, 1997. 397 с.

УДК 81'373

ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ КОМПОНЕНТОВ
ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ
С ГЛАВНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ (TO) GET, (TO) GIVE, (TO) TAKE, (TO) LOOSE

© 2014 г. Я.А. Исмукова
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
Abimee@yandex.ru

Изучается структура английских фразовых глаголов, рассматриваются различные точки зрения на лингвистическую природу данных образований, а также анализируется степень десемантизации их элементов.

Ключевые слова: фразовые глаголы, десемантизация, степень десемантизации.

Изучение фразовых глаголов было и остается актуальным направлением исследований. Множество авторов посвятило свои работы различным аспектам подобных образований: А.В. Кунин, А.И. Смирницкий, И.В. Арнольд, Ю.А. Жлуктенко, В.Н. Макеенко, С.Б. Берлизон, Г.Е. Пальмир, Л.П. Смит.

Данная работа обращена к анализу фразовых глаголов и выявлению их особенностей.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть различные точки зрения на природу фразовых глаголов.

2. Классифицировать выбранные фразовые глаголы по степени десемантизации их компонентов.

Объект исследования:

1. 37 словарных статей (141 значение) фразовых глаголов с основным компонентом (to) get.

2. 13 словарных статей (33 значения) фразовых глаголов с основным компонентом (to) give.

3. 18 словарных статей (55 значений) фразовых глаголов с основным компонентом (to) take.

4. 1 словарная статья (1 значение) фразового глагола с основным компонентом (to) loose.

5. 151 значение глаголов (to) get, (to) give, (to) take, (to) loose.

6. 494 значения послелогов фразовых глаголов.

Вопрос о структуре фразовых глаголов

английского языка вызывает серьезные разногласия среди лингвистов, этот факт подтверждает особое положение подобных образований и указывает на необходимость дальнейших исследований, тем не менее, еще с середины 50-х годов XX века справедливо выделяются две основные проблемы:

1. Что представляют собой данные образования – слова, словосочетания или особую категорию?

2. Что представляет собой второй элемент (исходя из решения первого вопроса)?

В большинстве научных работ доказывалось, что фразовые глаголы – это словосочетания, а не слова. В таком случае второй компонент не может рассматриваться как морфема (например, как постпозитивная приставка (согласно теории профессора Ю.А. Жлуктенко) [1]. Следовательно, он должен быть отнесен к одной из частей речи. В решении этого вопроса не наблюдается единогласия. Употребительным является термин «послелог». А.В. Кунин утверждает, что послелог является словом, так как сочетается с глагольным компонентом, имеющим словоизменяемую парадигму [2]. Существует также тенденция называть все материально тождественные формы частицами (постпозитивными частицами) [3, с. 84-92].

Данная работа опирается на следующий термин Е.Е. Голубковой: «английский фразовый глагол это сочетание «простого» глагола (to come, to put, to go...) и послелога (in, off, out...), представляющее единую семантичес-

кую и синтаксическую единицу» [4]. Однако существует ряд других терминов, различие которых в основном связано с определением статуса второго компонента. Можно выделить: «глагол с послелогом» (Л.П. Винокурова, Б.А. Ильиш) [5; 6], «глагольно-наречные сочетания», «глагольно-наречные фразеологические единицы» (С.Б. Берлизон) [7], «глагольно-адвербиальные одновершинные фразеологические единицы» (А.И. Смирницкий) [8], «глаголы с постпозитивными элементами» (Ю.А. Жлуктенко) [1], «составные глаголы» (И.В. Арнольд) [9].

Усиление роли составных частей речи в английском языке связывают с его переходом от синтеза к анализу. Это изменение значительно сказалось на развитии английского глагола. Обилие рассматриваемых сочетаний является характерной особенностью английской лексики. Нетрудно заметить, что это всегда бесприставочные, односложные глаголы, в большинстве случаев исконно английские или заимствованные из скандинавского языка.

Многие авторы, например И.В. Арнольд, отмечают, что «по своей стилистической отнесенности составные глаголы принадлежат разговорной речи» [9, с. 184]. Ко многим из них можно подобрать однословный синоним (в большинстве случаев – заимствованное слово). Отмечается активность фразовых глаголов в публицистике, а также в современной прозе, поэзии и в текстах песен.

Не вызывает сомнения тот факт, что фразовые глаголы лаконичны и выражают множество оттенков значений и эмоций, поэтому с большой вероятностью можно сказать, что тенденция употребления фразовых глаголов в различных видах деятельности будет продолжать свое развитие.

Десемантизация (от лат. приставки *de-*, означающей отделение, отмену -т- греч.

semantikos – обозначающий) – это процесс, охватывающий разные уровни языка, однако чаще всего под десемантизацией понимается утрата словом лексического значения (ср. знаменательный характер глагола *быть* в сочетании *быть дома* и служебный характер — в сочетании *быть готовым*) [10].

С процессом десемантизации связывают развитие аналитических грамматических форм и устойчивых сочетаний фразеологического характера. Данное явление наблюдается у фразовых глаголов, элементы которых полностью или частично теряют свое лексическое значение, вследствие чего трансформируется значение всего комплекса.

Классификация фразовых глаголов не/обладания (*to*)*get*, (*to*)*give*, (*to*)*take*, (*to*)*loose* (всего 230 значений) по степени десемантизации их компонентов предлагает следующие результаты:

1. Неполная десемантизация первого элемента, неполная десемантизация второго элемента: 31,3% (72 значения).
2. Неполная десемантизация первого элемента, полная десемантизация второго элемента: 24,3% (56 значений).
3. Неполная десемантизация первого элемента, отсутствие десемантизации второго элемента: 3,9% (9 значений).
4. Полная десемантизация первого элемента, неполная десемантизация второго элемента: 4,3% (10 значений).
5. Полная десемантизация первого элемента, полная десемантизация второго элемента: 20% (46 значений).
6. Отсутствие десемантизации обоих компонентов: 11,4% (26 значений).
7. Полная десемантизация первого элемента, отсутствие десемантизации второго элемента: 1,8% (4 значения).
8. Отсутствие десемантизации первого элемента, полная десемантизация второго элемента: 3% (7 значений).

Список литературы

1. Жлуктенко Ю.А. Постпозитивные глагольные приставки в современном английском языке. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 1952. 16 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.
3. Пчелкина М.А. Опыт исследования предлогов в английском языке: локалистский и функциональный подходы / Вестник МГЛУ. 2007. № 532. С.84–92.
4. Голубкова Е.Е. Глагольные комплексы типа *come in, put away* в современном английском языке: семантика и функционирование. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 1990. 22 с.
5. Винокурова Л.П. Грамматика английского языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР Ленинградское отделение, 1954. 344 с.
6. Ильиш Б.А. Современный английский язык: теор. курс. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1948. 347 с.
7. Берлизон С.Б. Глагольно-наречные сочетания и их роль в обогащении словарного состава современного английского языка. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М: МГПИ им. В.П. Потемкина, 1955. 14 с.
8. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. 230 с.
9. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. 376 с.
10. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.. 1976.
11. The Longman Dictionary of Contemporary English Online © 2014 Pearson Education Ltd. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения 5.04.2014).